

НЕЗАВЕРШЕННЫЙ ЗАМЫСЕЛ «РАБОТЫ О КАВКАЗЕ»

3 августа 1875 г. Слепцов писал Некрасову: «Многоуважаемый Николай Алексеевич. Уезжая из Москвы, вы мне сказали, что в случае крайней нужды я могу обратиться к вам. До сих пор я по возможности старался не пользоваться этим обещанием и думал, что в силах буду претерпеть до окончания работы о Кавказе; но теперь вижу, что для меня это невозможно и что при всем желании не пользоваться больше вашими уступками, я не дотяну до конца августа. В августе, когда вы приедете в Москву, я прочту вам то, что у меня написано, и тогда, я надеюсь, что вы не будете раскаиваться в еще одной лишней уступке (как вы это называли когда-то); а теперь, прошу вас, дайте мне возможность дотянуть мою работу до конца, пришлите мне рублей сто» («Лит. наследство», т. 51-52, 1949, стр. 498).

В этом письме мы находим первое и, насколько известно, единственное упоминание о большой работе, которой Слепцов был занят в 1870-е годы. Как видно из письма, он возлагал на нее большие надежды и, очевидно, сам считал свою работу о Кавказе очень важной. Однако следы этой работы потерялись и было трудно определить, какое она занимает место в творческом наследии Слепцова. Лишь теперь на основании рукописей, найденных в архиве Пушкинского дома, можно попытаться установить общее направление работы и отчасти выяснить ее творческую историю.

Рукописи эти представляют собою несколько разрозненных листов без заглавия с набросками статьи о Кавказе, материалами для нее и планом. На обороте одного из них Слепцов нарисовал несколько своих монограмм с обозначением места и времени записи: «Тифлис. В. С. 1874».

1874 год был трудным годом в жизни Слепцова. Открывшийся в 1873 г. тяжелый недуг (язва прямой кишки) заставил его покинуть Петербург, отказаться от должности секретаря редакции «Отечественных записок» и уехать на юг. По совету доктора Боккова, Слепцов едет лечиться на Кавказ. Он очень нуждается, признается, что все деньги уходят на лечение, телеграфирует Некрасову из Тифлиса: «Болен, очень нуждаюсь, не можете ли прислать рублей сто» («Лит. наследство», т. 51-52, стр. 498). Всю зиму 1873/74 г. Слепцов живет в Тифлисе, здоровье его несколько улучшается, он вновь возвращается к литературному труду, задумывает большую работу о Кавказе и именно в это время приступает к ее осуществлению. Начав работать над статьей в 1874 г. в Тифлисе, Слепцов, как видно из цитированного выше письма, продолжает писать ее в Москве в 1875 г.

Статья, по-видимому, отнимала у Слепцова много времени и сил. Вероятно, именно поэтому свой труд он уважительно называет не статьей или очерком, а *«работой о Кавказе»*. О подготовительных этапах работы, относящихся к ознакомлению с историей Кавказа и с документами кавказской войны, сохранились следы в одном из дошедших до нас черновиков. Мы находим здесь следующую запись Слепцова:

«Сношение России с кавказскими народами началось с 1559, когда была основана Иваном Васильевичем Грозным при впадении Терека в Каспийское море крепость Тюмень (Терки)

Грузия была разоряема и покоряема аравит<ами>, монголами, персиянами и турками.

1561 Иван Васильевич женился на кабардинской княжне Марье Темрюковне.

1582 пятигорские черкесы отделились России».

Далее следуют подробные выписки из протокола заседания Государственного совета от 8 августа 1801 г., когда Грузия, вырвавшись из-под персидского владычества, присоединилась к России. Характерно, что на самом первом этапе работы наметилась ее будущая направленность. Так, Слепцов замечает для себя, что когда в 1802 г. Кнорринг объявил в Тифлисе манифест о присоединении Грузии, «народ отказался присягать», а «знатнейшие дворяне за это арестованы». Тем самым уже здесь Слепцов подчеркивает недовольство кавказских народов захватнической политикой царизма. По-видимому, в своем труде он намеревался дать историческую перспективу. Среди записей мы встречаем имена Чингиз-хана, Тамерлана и Солимана Великолепного. Однако работа не была завершена. Не сохранилось даже единого

текста статьи, хотя несомненно, помимо черновых набросков, у Слепцова была беловая редакция. Вероятно, эту рукопись он в 1875 г. и намеревался показать Некрасову.

Мы публикуем отрывки черновой рукописи статьи, располагая их в последовательности, предусмотренной сохранившимся в бумагах Слепцова следующим планом «работы о Кавказе»:

Кавказом в России не интересуются.

Причина — история покорения.

Война не популярна.

Слишком долго.

Цель неизвестна.

Дорого стоит.

Интересна для военных, подрядчиков и чиновников.

Для большинства — бездонная пропасть.

Даже на Кавказе не популярна между военн^{ыми}.

Рассказы о продаже солдат, провианта, снар^{ядов}.

Басня, но это доказательство.

Для Петербурга Кавказ не существовал до покорения.

На несколько дней занялись.

Шамиль — Калуга, забыли.

А между тем теперь-то и интересен.

Общий взгляд.

Богатства.

Недостаток людей и капиталов.

Тифлис.

В этом плане обращает на себя внимание интересный пункт, должно быть, по цензурным условиям не отраженный в статье. Слепцов намеревался привести подлинные рассказы участников кавказской войны «о продаже солдат, провианта, снарядов», что было бы ярким доказательством ненужности этой кровавой бойни.

При всей фрагментарности публикуемые наброски содержат ценный материал для характеристики идейных позиций Слепцова по отношению к колониальной политике царизма.

В 1876—1877 гг. здоровье Слепцова настолько ухудшилось, что он уже не мог работать. Интересный замысел его последней работы остался незавершенным.

(1)

В России, и в особенности в Петербурге, давно уже перестали интересоваться Кавказом, это случилось еще задолго до окончательного его покорения. Причину равнодушия к Кавказу, мне кажется, следует искать прежде всего в истории его покорения. Кавказская война, как известно, никогда не пользовалась у нас большою популярностью, и подвиги кавказских героев никаких особенных восторгов не возбуждали. Если же время от времени русские газеты принимались трубить о новых успехах русского оружия за Кубанью и если мы вдруг ни с того, ни с сего начинали уж очень горячо рассуждать по этому поводу и даже очень этим гордиться, то ведь этому нельзя же в самом деле придавать какое-нибудь серьезное значение; тем более, что патриотизм в подобные минуты был крайне сомнительного свойства по той причине, что большею частью был напускной. Гордились же мы подвигами, собственно, потому, что нужно же человеку чем-нибудь гордиться, и за недостатком лучшего мы гордились, между прочим, успехами нашего оружия за Кубанью. Были и в России люди, для которых кавказская война имела очень серьезное значение, а именно — военные. Для них Кавказ представлял возможность получать двойное жалование, легко отличиться и быстро подниматься в чинах. Кроме того, эта война (как и всякая война) была очень выгодна для

подрядчиков, поставлявших всякого рода припасы для войск; наконец, она привлекала чиновников и вообще разных служилых людей, необходимых при водворении русского владычества в крае. Все эти люди видели в кавказской войне свою личную выгоду, и в среде этих лиц она, разумеется, была очень популярна, что же касается России вообще, то всякий знает, что большинство у нас давно уже привыкло смотреть на Кавказ как на какую-то бездонную пропасть, в которой во славу русского оружия ежегодно погибают тысячи людей и миллионы денег. Хотя в то время мы вовсе еще не были так богаты, чтобы позволять себе подобную роскошь, но большинство, вероятно, кое-как помирилось бы с такою неумеренною тратою людей и миллионов, если бы цель кавказской войны была для всех понятна. Большинство никогда не могло себе дать отчета, из-за чего, собственно, мы воюем на Кавказе. Хотя Россия и считается военным государством, но мы, русские, по всему складу нашего народного характера, как это видно и из истории, никогда не выказывали воинственных наклонностей.

⟨2⟩

Всему свету известно, что мы, русские, по складу нашего характера — народ крайне миролюбивого свойства, и если время от времени мы оставляем плуг и беремся за меч воинственный, то к этому обыкновенно вынуждают нас какие-нибудь внешние, от нас не зависящие обстоятельства.

Вследствие ⟨этого⟩ мы никогда не принимали деятельного участия в судьбах...*

Политическая жизнь с ее высшими соображениями и сложными задачами для большинства была всегда недоступна и даже совсем непонятна; поэтому, когда политический горизонт начинал помрачаться и над Европой собирались тучи, то мы обыкновенно узнавали об этом после всех, даже и в том случае, когда эти тучи висели над нами. К политическим грозам мы всегда относились совершенно так же, как и вообще ко всякого рода бедам: градобитию, холере, голоду и проч. Беда обыкновенно заставала нас врасплох, именно в то время, когда мы всего менее ее ожидали.

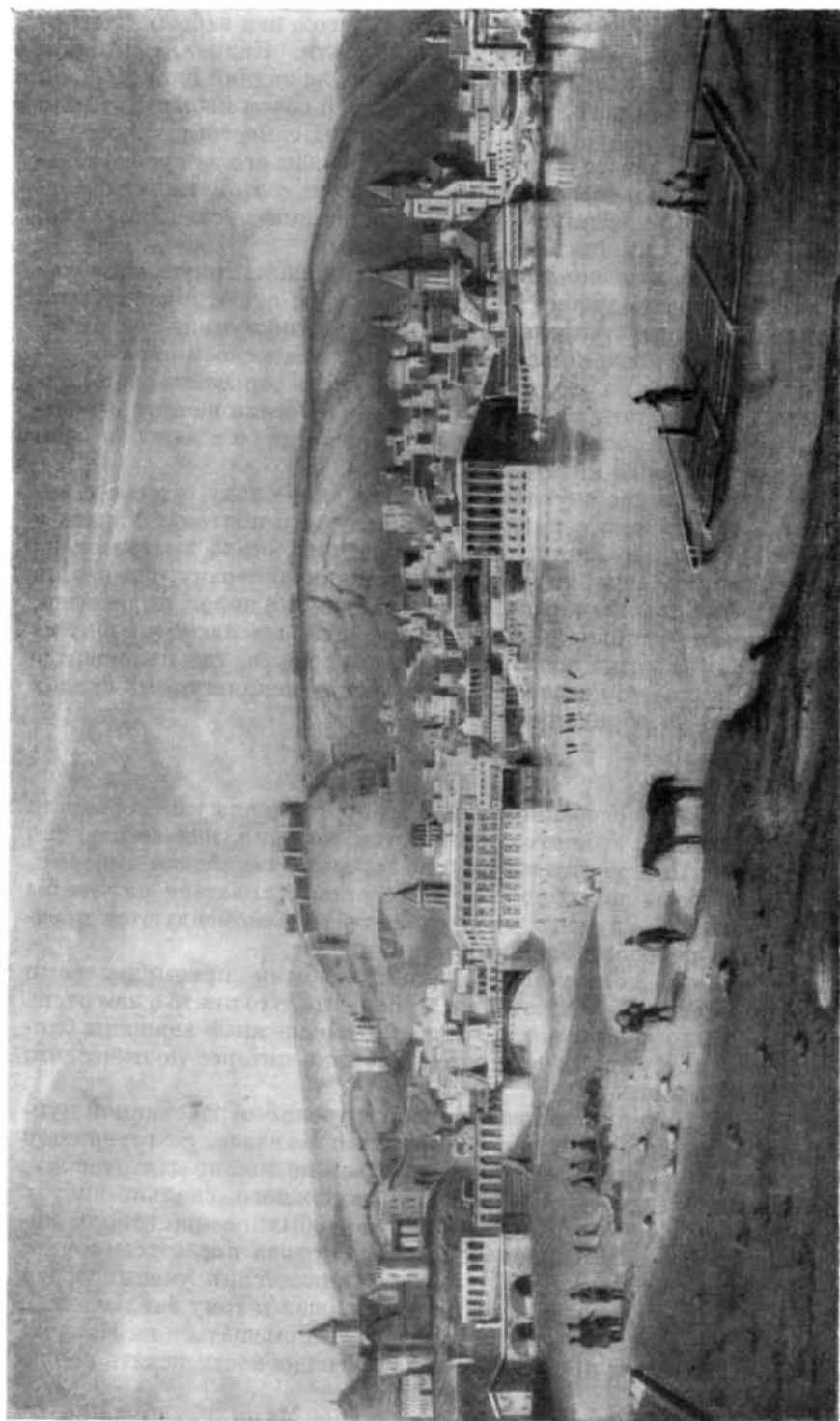
Народ в этом отношении был все-таки счастливее нас, у него были предвестники, заранее предупреждавшие об угрожающей опасности; у него были верные приметы: блох много — к войне, мальчиков много родится — к войне, и, наконец, знамения на небе — кометы с хвостами, на земле — набор. Впрочем, надо признаться, что набор всегда был самым несомненным предвестником близкой войны, как для народа, так равно и для высших сословий, от рекрутской повинности свободных.

⟨3⟩

Там у нас в России, и в особенности в Петербурге, давно уже перестали интересоваться Кавказом, и это случилось еще задолго до окончательного его покорения.

Борьба возбуждает интерес, но здесь она уж слишком долго продолжалась и была притом очень однообразна; внимание притупилось отдаленностью места действия. После взятия Гуниба в иллюстрированных изданиях вдруг снова появились кавказские горы, кабардинцы на конях и проч., в газетах заговорили о так называемом умиротворении края, о взятии Шамиля, о торжествах, происходивших по этому поводу в Тифлисе, затем Шамиля привезли в Петербург. Несколько дней публика бегала за ним, газеты были наполнены мелкими подробностями о знаменитом имаме, о его семействе и т. д.

* В рукописи пропуск.

ТИФЛИС

Картина маслом неизвестного художника, 1860-е гг.

Исторический музей, Москва

В Тифлисе Слепцов жил зимой 1873/74 г. Здесь он начал «работу о Кавказе».

Шамиль попал даже в «Искру», где был изображен с красною бородою. Потом Шамиль отправился на житье в Калугу, и все о нем забыли. Кабардинцы и кавказские горы в иллюстрациях исчезли. Кавказ, о котором вспомнили по случаю его покорения, снова отошел на задний план. Он как будто только появился для того, чтобы напомнить о своем небытии, т. е. о том, что со взятием Гуниба угасает последняя искра самостоятельного существования Кавказа, а вместе с прекращением борьбы его за существование прекращается возбуждаемый борьбою интерес, и с этой минуты Кавказ превращается в обыкновенную русскую провинцию и, следовательно, попадает в список вещей ни для кого не интересных.

Следует ли обвинять в легкомыслии русскую журналистику вместе с ее читателями за такое равнодушие к Кавказу — я не знаю. Может быть, русская журналистика, действительно, в этом случае поступила легкомысленно, а может быть, она только не давала себе отчета в своем образе действий, а в сущности имела на это какие-нибудь очень серьезные свои причины, кто знает, дело все-таки в том, что Кавказом в России не интересуются, и притом, как нарочно, именно в такое время, когда он с каждым днем становится все более и более интересным.

Я попал сюда совершенно случайно... и очень скоро уеду отсюда и, вероятно, навсегда. Я прожил в кавказском крае всего полгода. Узнать в такой короткий срок страну, которая только на днях стала выступать из мрака неизвестности, конечно, трудно, и притом такую страну, где нет ни истории, ни географии, ни статистики, ни литературы, ни дорог, ни податей, ни полиции, где вместо законов — адаты и шарияты, где люди говорят на двенадцати языках и не могут понимать даже друг друга, где, наконец, до сих пор еще живут какие-то неизвестные племена на неприступных скалах и даже имени своего не объявляют

<4>

Там у нас в России, и в особенности в Петербурге, давно уже перестали интересоваться Кавказом. Удивительного в этом, конечно, ничего нет, так как люди, живущие в Петербурге и в других городах Российской империи, как известно, не одарены способностью долго останавливаться на чем бы то ни было, даже и в тех случаях, где вниманию их рекомендуются предметы более близкие и более достойные внимания.

А так как Кавказ не пользуется никакими особыми преимуществами и в этом случае не составляет исключения, то понятно, что никто о нем очень и не беспокоится. Было время, когда Кавказ и его снежные вершины благодаря Лермонтову возбуждали в русской публике интерес поэтический; но это время давно прошло.

Но, кроме этой общей причины равнодушия русской образованной публики к Кавказу, есть еще и другие. Заговорив о Кавказе, не говорить о войне — невозможно; Кавказ без войны немыслим не только для русских, веками воевавших на Кавказе, но и вообще для каждого, сколько-нибудь знакомого с историей Кавказа. Кавказ называют обыкновенно второю колыбелью человечества — на том основании, что отсюда после всемирного потопа снова начинается история. Известный английский ученый Мурр несколько лет тому назад, обозревая Кавказ, пришел к тому заключению, что земной рай по всей справедливости должен был помещаться на Кавказе и даже именнов Абхазии, и потому нет никакой надобности искать его на берегах Евфрата.

— «Он здесь, он здесь» — в восторге восклицает Мурр, указывая на...*

<1874—1875 гг.>

Автограф. ИРЛИ. Р. III, оп. 1, № 1928, лл. 3—9, 12.

* На этом текст обрывается. — Ред.